

я могу объясняться на немъ съ кѣмъ мнѣ угодно. Единственное неудобство (до всеобщаго введенія языка) будетъ только то, что мнѣ нужно будетъ всякій разъ ждать, пока собесѣдникъ разберетъ мои мысли. Чтобы и это неудобство по возможности устранить (по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ съ людьми образованными), я поступилъ слѣдующимъ образомъ: словарь составленъ мною не произвольно, а по возможности изъ словъ, извѣстныхъ всему образованному міру. Такъ, напр., слова, одинаково употребительныя во всѣхъ цивилизованныхъ языкахъ (такъ называемыя „иностранныя“ и „техническія“), я оставилъ безъ всякаго измѣненія; изъ словъ, различно звучащихъ въ различныхъ языкахъ, взяты мною или общія двумъ-тремъ главнѣйшимъ европейскимъ языкамъ, или принадлежащія только одному, но популярныя и у другихъ народовъ; тамъ, гдѣ данное слово въ каждомъ языкѣ иначе звучитъ, я старался находить слово, которое имѣло бы только подходящее значеніе или болѣе рѣдкое употребленіе, но за то было бы знакомо главнѣйшимъ народамъ (напр. слово „близкій“ въ каждомъ языкѣ звучитъ иначе; но стоить взять латинское „ближайшій“ (*proximus*), и окажется, что оно, въ различныхъ измѣненіяхъ, употребительно во всѣхъ главнѣйшихъ языкахъ; если я, слѣдовательно, слово „близкій“ назову *proksim*, то я буду болѣе или менѣе понятенъ каждому образованному человеку); въ остальныхъ же случаяхъ я бралъ обыкновенно изъ латинскаго, какъ языка полу-интернаціональнаго. (Я отступалъ отъ этихъ правилъ только тамъ, гдѣ этого требовали особыя обстоятельства, какъ напримѣръ избѣжаніе омонимовъ, простота орфо-